

УДК 821.161.1.09"19"

Н. Б. Лапаева*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
natalya_lapaeva@mail.ru*

**«ДУХОВНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ, АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА МЫСЛИ –
ВОТ ПРИВИЛЕГИИ МОЕГО ДВОРЯНСКОГО ЗВАНИЯ»:
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЦЕННОСТИ
ЗИНАИДЫ ШАХОВСКОЙ**

В статье проанализировано нравственное пространство книги «Таков мой век», автор которой – яркая представительница русской эмиграции первой волны Зинаида Шаховская (1906, Россия – 2001, Франция). Воспоминания Шаховской запечатлевают ее эмигрантские пути (Константинополь, Бельгия, Франция, Англия) и самостояние человека в ситуации исторического «слома». Доказывается, что, оказавшись в труднейших обстоятельствах, обусловленных событиями российской и мировой истории XX века (Гражданская война в России, II мировая война), Шаховская всегда руководствовалась шкалой смысложизненных высоких ценностей, таких как: вера в Бога, помощь людям, свобода мысли, самостоятельность выбора.

Ключевые слова: литература русской эмиграции первой волны, мемуары, нравственные приоритеты, духовные ориентиры

N. B. Lapayeva*Perm State University for the Humanities and Pedagogy
natalya_lapaeva@mail.ru*

**«SPIRITUAL INDEPENDENCE, ABSOLUTE FREEDOM OF THOUGHT –
THAT'S THE PRIVILEGE OF MY NOBLE TITLE»:
SPIRITUAL AND MORAL PRIORITIES AND VALUES
BY ZINAIDA SHAKHOVSKAYA**

The article analyses the moral space of the book «My Times Are Like This», the author of which is the bright representative of Russian emigration of the first wave, Zinaida Shakhovskaya (1906, Russia–2001, France). Memories by Zinaida Shakhovskaya imprint her emigrant ways (Constantinople, Belgium, France, England) and self-standing of the person in the situation of the historical «scrapping». It is proved that in difficult circumstances, caused by the events of the Russian and world history of the 20th century (the Russian Civil War, World War II), Zinaida Shakhovskaya has always been guided by the scale of high values, such as a faith in God, helping people, freedom of thought, choice independence.

Keywords: Russian first wave emigration literature, memoirs, moral priorities, spiritual «waymark»

В разнообразном творчестве (стихи, романы, мемуары, публицистика) Зинаиды Алексеевны Шаховской (1906, Москва – 2001, Сент-Женевьев-де-Буа), талантливейшей представительницы русской литературной эмиграции первой волны, книга воспоминаний «Таков мой век» занимает особенное место. Книга «Таков мой век» – «результат осмысления всего виденного и пережитого» [2]. Она представляет собой описание Шаховской своей жизни в России и в эмиграции (в Константинополе, в странах Западной Европы, в Африке), увиденной в контексте глобальных событий истории XX века (первая мировая война, революция в России 1917 года, Гражданская война в России, вторая мировая война). В смысловом пространстве книги важнейшим ее слоем является аксиологический: в сюжете, воспроизводящем этапы судьбы человека, оказавшейся плотно «вплетенной» в «канву» истории первой половины XX века, высвечивается целостная система ценностей автора.

Нравственные чувства, представления об этике, духовные ориентиры Шаховской были сформированы – и это совершенно очевидно – в ее семье. Известно, что Шаховская принадлежала к старинной княжеской фамилии. В книге воспоминаний «Таков мой век» не кичась, но со спокойным достоинством она сообщает о своем происхождении, вспоминая, что Шаховские «ведут родословную от воинственного Рёрика, или Рюрика, в XI веке» и что она является «представительницей 31-го по счету поколения от Рюрика и 14-го – от Констан-

тина, князя Ярославского, в XV веке прозванного Шахом» (1, 46–47), что ее прадед Иван Леонтьевич, «чей портрет можно видеть в музее Эрмитажа – в Галерее 1812 года, был женат на графине Мусиной-Пушкиной» (1, 47), что ее «бабушка Поликсена Чирикова была внучкой великого архитектора Карло Росси» (1, 48). Гордясь своим высоким происхождением, Шаховская вместе с тем свободна от снобизма и тщеславия. Она пишет о своей семье, избегая стилистики панегирика, – напротив, отличительной особенностью портретов лучших ее представителей является живость их исполнения.

Особенное внимание посвящает она своим родителям, которые, в ее восприятии, воплощают лучшие начала дворянского рода Шаховских. Родители – это душа Матово, родового тульского имения Шаховских, в котором протекали детство и отрочество автора мемуаров («Если время подвластно человеку, пусть возродится из пепла дом моего детства, пусть возникнут его колонны, зеленая крыша, просторный балкон, оплетенный диким виноградом, пусть опять <...> тени умерших облекутся плотью и заговорят <...>. Перед нами – Матово» (1, 33)). Именно родители Шаховской, какими она их видит, создали в Матово особенную атмосферу, которая была «напитана» взаимной любовью между членами семьи, теплом человеческих отношений, вольным и свободным духом, подлинным уважением одного человека к другому независимо от его социального положения.

Отец писательницы Алексей Николаевич Шаховской представлен ею как подлинно благородный и глубокий человек. Ему было чуждо все показное. Довольно смелое сопоставление князя Шаховского с графом Толстым – и не в пользу писателя – оттеняет суть личности отца Шаховской: он всегда был настоящим и искренним в чувствах, убеждениях и делах, не любил «театральности». Думая о своем отце, Шаховская приходит к мысли, что «он был именно тем, кем хотел и не сумел стать Толстой», уточняя при этом, что «то, что писатель вывел из теории и потому превратил в игру, было естественно присуще моему отцу» (1, 17). Писательница приводит убедительные факты, говорящие об отсутствии всякой «игры» в жизни отца: «если отцу случалось косить сено, он делал это потому, что ему нравилось косить, а не для того чтобы придать “смысл жизни”», «вместо пиджака он надевал русскую рубаху, считая ее более удобной в сильную жару, а вовсе не намереваясь совершить тем самым символический жест», «будучи глубоко верующим, он никого не заставлял поститься в положенные дни или сопровождать его на службу» (1, 17). Высокое социальное положение отца, обусловленное его княжеским титулом, не стало причиной развития у него высокомерия и презрения к людям низшего класса; наоборот, он полагал, что «все врожденные преимущества: титул, богатство, красота, ум – лишь отягощают их обладателя большей ответственностью» (1, 17).

Убеждения отца Шаховской сложились в особую систему «праведных» ценностей, в которой не было места карьеризму («ему претила одна мысль о том, чтобы гнаться за повышением по службе, участвовать в чиновных или придворных интригах»), лицемерию и фальши (он был не способен «действовать по расчету или обманом»), а приоритеты отдавались честности, ответственности, гуманности. Высокая степень кристаллизации личностных ценностей отца при его скромном внешнем облике («непритязательно одетый») и простой манере держаться («не требовавший к себе особого почтения, неприхотливый») имели на Шаховскую большое влияние. По ее признанию, отец «играл и играет до сих пор огромную роль в моей жизни. Если когда-то я смогла преодолеть искушение, отказавшись приспособиться к нравам нашего века и тем облегчить свое существование, – то лишь потому, что во мне живет унаследованная от него неподатливость» (1, 18).

Образ Анны Леонидовны Шаховской (урожденной фон Книнен), матери писательницы, в книге ее воспоминаний «Таков мой век» по праву можно назвать одним из ключевых. На протяжении всего произведения Шаховская не перестает размышлять о матери – о ее судьбе, характере, а по сути, – о том влиянии, которое она оказала на формирование ее личности.

По характеристике Шаховской, мать для нее – воплощение «живости, жизненного порыва, радости бытия» (1, 19). Мать обладала уникальной комбинацией качеств и свойств: для нее была характерна изначальная нравственная чистота; душа ее была чуткой, характер – мягким, но не безвольным, а четко «очерченным»; способность к рефлексии соединялась с надежностью активным деятельностным началом. Шаховская отмечает особенное отношение своей матери к детям – «она любила детей – всех детей...» (1, 20). Ее педагогика основывалась не на строгости к детям и требованиях по неукоснительному выполнению ими правил и предписаний, а на «всепонимании» детей и нежном к ним отношении, на желании быть им другом и близким человеком. Пронзительно воспринимается тонкое наблюдение Шаховской: «Мать спешила дать нам все, чем может одарить только детство, как будто заранее зная в глубине души, что однажды у нас все будет отнято» (1, 20).

Шаховская отмечает доброе и милосердное отношение своей матери к людям, ее внимательность к ним, отзывчивость к их бедам и нуждам. Писательница видит прямую связь между этими качествами натуры матери и ее религиозностью, внутренней и глубокой. «Она была верующей <...>, но веровала по-своему. Равнодушная к богословским вопросам и к строгому соблюдению церковных предписаний, <...> она не слишком усердно посещала службы. Ее вера проявлялась в постоянной готовности помогать другим» (1, 20). В памяти Шаховской навсегда остались свидетельства в высшей степени гуманного, а значит – подлинно христианского, отношения матери к людям: она вспоминает, например, что «крестьяне в первую очередь обращались к матери. Бывало, что за ней приходили ночью из деревни в случае трудных родов, хотя она ничем не могла помочь, разве что ободрить своим присутствием и при необходимости послать за далеким доктором» (1, 19–20). Будучи великодушным человеком, мать Шаховской в свое время не отказала от места портнихе Лидии, узнав, что та имеет «желтый билет» и, более того, больна дурной болезнью.

Ярким примером христианского всепрощающего отношения родителей Шаховской к людям является описанный автором мемуаров случай, произошедший уже во время революции. Когда матовские крестьяне решили конфисковать рощицу, в свое время посаженную отцом, и приступили к ее вырубке («За дело взялись с упорным ожесточением»), то, стремясь нарубить как можно больше леса, начали травмировать друг друга («какому-то парню повредили грудную клетку; женщине пробили череп, ребенку сломали ногу»); Шаховские, которых крестьяне, по сути, жестоко обидели, взялись помогать пострадавшим – видя их мучения, они «открыли запертые двери красного крыльца; туда, прямо на пол, уложили раненых и умирающих, и моя мать появилась с санитарной сумкой, чтобы оказать первую помощь несчастным жертвам» (1, 108). Таким образом, родители Шаховской были наделены добротой, честностью, благородством, способностью жертвенного служения людям, сочетающимися с активным началом в их характерах. Результаты усвоенных от родителей нравственных и духовных уроков стали для Шаховской «путеводителем» по жизни, в которой «калейдоскоп» личных событий складывался на фоне непростых исторических процессов XX столетия.

Драматическая эпоха постоянно ставила Шаховскую в ситуации выбора, когда нужно проявить мужество и самоотверженность, сохранить честь и достоинство. И в тексте мемуаров можно найти немало подтверждений этому. Впечатляет, например, сцена, когда юная княжна отказывается играть для революционных солдат, уже распоряжающихся в Матово, требуемый ими реквием «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», за что навлекает на себя их гнев и брань: «Солдаты гоготали, кричали, курили, плевались. Вне себя от ярости, я заиграла “Боже, царя храни”. Неужели они еще помнили государственный гимн? Лакированная крышка сотрясалась от их кулаков. – Кончай, дворянское отродье!» (1, 129–130). Дерзкое поведение «дворянского отродья» – не что иное как сопротивление, внутреннее и внешнее, новой утверждающей себя власти, не знакомой с понятиями чести и уважения к человеку.

Эта ситуация – фрондирования, отпора злу – «зеркально» повторится уже в Париже, оккупированном немцами. Шаховской отвратительна юдофобия фашистов (нашедшая свое выражение, в частности, и в украшавших кафе вывесках «Только для арийцев»), и когда она, проходя со своим спутником, оказавшимся членом молодежных отрядов Петена, мимо штаба этого поддерживающего антисемитизм германцев движения, видит, что «парни, заметив моего спутника, вытянулись по стойке смирно и вскинули руки в фашистском приветствии», она дерзко и не думая о последствиях кричит в знак протеста: «Да здравствуют евреи!» (1, 418).

В своей реальной жизненной практике Шаховская неоднократно демонстрировала способность на бунт против «кривды». Если она становилась свидетелем чего-то несправедливого, то никогда не молчала, но, считая, что ситуация требует ее вмешательства, пыталась влиять на нее. Шаховская четко обозначила морально-нравственную «первопричину», которая заставляла ее во всех случаях занимать активную жизненную позицию: «По моему убеждению, и я сохраняю его по сей день, в нравственных вопросах обязанность каждого – “подняться и заговорить”, – промолчав, человек встает на сторону несправедливости» (1, 418).

«Внятная» система смыслообразующих ценностей Шаховской со всей очевидностью проявлялась в ее смелых поступках и решительном поведении. Способная постоять за себя, Шаховская всегда была готова защищать честь и достоинство и других людей. Часто при спасении другого – вопреки «здравому смыслу» и забывая об «инстинкте самосохранения» – она подвергала опасности себя, но никогда не «проходила мимо». И свидетельство этому – ряд описанных ситуаций. Однажды она, по ее характеристике, «вмешивается не в свое дело», а именно: считая гнусностью оскорбление парижской толпой «пожилого, прилично одетого седого человека только за то, что в лице его проглядывали еврейские черты» (1, 419), защищает его. Став медсестрой во французском военном госпитале, она отказывается покидать его даже в момент крайней опасности (немцы – практически на пороге госпиталя) и не присоединяется к лагерю позорно и спешно убегающих из него главврача, докторов, медсестер, капеллана («Отъезжающие так торопились, что взялись собственноручно выгружать раненых из все прибывающих машин: клали их прямо на землю, быстро занимали освободившееся место и уезжали под рев моторов, сопровождаемые взглядами, да какими! – не может быть, чтобы мне это привиделось, – покинутых больных» (1, 396)), считая бессовестным оставить раненых, в том числе и умирающих, в такую минуту без поддержки.

Поскольку «основными в мироощущении Шаховской являются христианские идеи любви и жертвенного служения людям» (2), то всякий раз Шаховская – на защите нуждающихся в помощи людей. И всякий раз она помогает им не просто из чувства долга, но откликаясь сердцем, сострадая им, соприкасаясь с ними душой. Сочувствие к людям являлось внутренней сущностью автора мемуаров «Таков мой век». Говоря о том, каким было ее отношение к своим обязанностям медсестры в военном госпитале, она писала: «Я старалась, несмотря на внушения, видеть в каждом раненом не просто объект хирургического вмешательства, но и больного человека. Сострадание выматывает, но кто сказал, что можно вылечить кого бы то ни было одними лекарствами, без сострадания, то есть без яростного желания поддержать угасающую жизнь в переставшем бороться теле» (1, 386–387).

В сущности, чувства, мысли и поступки Шаховской имеют своим источником ее веру в Христа. Шаховская признавалась, что в отрочестве имела «короткий период атеизма», но впоследствии очень быстро поняла, что атеизм только мешает ей, наполняя «глупой самоуверенностью» и «нелепой гордыней». Шаховская определяла атеизм как «отсутствие здравого смысла и как следствие затянувшегося инфантилизма» [1, 222]. «Спасательным кругом» Шаховская называет «веру в Бога», которая позволяет во всех обстоятельствах не гибнуть, а быть «на плоту». Вера в Бога, по глубокому убеждению Шаховской, – это «единственная мудрость» и «единственная моральная ценность» в «обезумевшей вселенной». Вера в бес-

смертие души и в Бога, с ее точки зрения, позволяет противостоять абсурдности бытия, дает ощущение смысла жизни. «Я чувствовала, – делает она наиважнейший для себя вывод, – что жизнь была для меня терпимой и достойной любви лишь потому, что она была чем-то непрочным, над ней всегда тяготела угроза. С другой стороны, не потому ли мы в состоянии перенести смерть, эту постоянную опасность, которая угрожает жизни и одновременно придает ей ценность, что мы бессмертны? Без бессмертия, без веры в Бога ничто не имело бы никакого смысла. Ну а я отказывалась принимать абсурд» (1, 222).

Религиозность Шаховской – не внешне-«ритуальная», но внутренняя и выражается в искреннем расположении к людям и в чувстве сопричастности к ним. Шаховская, подобно матери, не ставит своей целью быть «прилежной» в соблюдении религиозных обрядов, но стремится оказать реальную помощь тем людям, которые в ней нуждаются. В тексте мемуаров нет пространных описаний посещения храмов или участия в церковных службах, нет и длинных рассуждений «религиозного» характера – Шаховской претит «отвлеченное», «отстоящее» от жизни на расстоянии или проявляющее себя лишь на словах, христианство. Шаховская не принимает религиозного лицемерия, и люди, выставляющие напоказ свои благие намерения, а на деле отнюдь не торопящиеся помогать нуждающемуся ближнему, ей глубоко антипатичны. Своих случайных лондонских приятелей из русской колонии, сначала пригласивших ее, находящуюся в отчаянном материальном и психологическом состоянии, на обед, а в конце его отказавших ей за него заплатить, Шаховская называет «воинствующими православными». Такого рода «христиане» вызывают у нее неприятие; она признается, что «и раньше не доверяла тем, кто часто говорит о Боге и при этом очень ловко устраивает свои делишки» (1, 470). Шаховская – за искренность религиозных чувств, которые подталкивают человека к безвозмездным гуманным поступкам.

Несмотря на то, что внешнее проявление религиозности у Шаховской сведено к минимуму, «материальное» выражение христианского настроения духа все-таки имеется, – в тексте мемуаров об этом свидетельствует мотив иконы, тонко вплетенный в него. Икона как надежный посредник между человеком и Богом, как спасительный духовный «талисман» всегда – с ней. Среди прочих наскоро собранных вещей, которые берет она с собой, отправляясь для встречи с мужем из оккупированного немцами Парижа в Лондон, подвергающийся немецким бомбежкам, находится и икона – она кладет в чемодан «смену белья, одно платье, икону и бутылку арманьяка, купленную в Париже и предназначавшуюся Святославу» (1, 383). Интересно, что «икона и бутылка арманьяка» в дорожном чемодане оказываются рядом. И это не потому что писательница не различает «что есть что» и в ее сознании спутаны ценности. Икона здесь существует не «сама по себе», не «обособленно», но находится как бы в самой «гуще» жизни, одухотворяя, благословляя и духовно защищая ее. И совершенно закономерно, что при «возмутительном грубом досмотре» уже в лондонском предместье, когда полицейский («человек с крысиной физиономией») вытрясает из дорожной сумки все ее вещи, она просит оставить только икону – «Я просила оставить мне икону Николая-чудотворца» (1, 462), – потому что только она имеет для нее подлинную ценность. Силу воздействия иконы на человека Шаховская ощутила, когда была еще совсем юной. В свои воспоминания она сознательно «встраивает» описание случая, который доказывал для нее самой «чудотворное» влияние иконы на человека, почти потерявшего человеческий облик. Дом в имении Пустынька под Новороссийском, где вместе с матерью, сестрами и братом она жила накануне отъезда из России, подвергся налету «зеленых» («то были хорошо вооруженные банды <...>. Они совершали набеги на села и на уединенные имения, убивали белых офицеров <...> и офицеров-союзников» (1, 185)), которые вынесли из него все ценные вещи («Не щадят и икон в золотых и серебряных окладах, и все несчастные наши драгоценности, уцелевшие от предыдущих обысков, постигает та же судьба. Туда же идут и деньги, и обмундирование

моего брата...» (1, 189)). Однако один из участников налета, забрав китель брата, вынул из его кармана серебряный образок и оставил его висеть на гвозде в стене. Предположив, что сама икона с особенной на ней надписью «Благословение матери уходящему на войну сыну» затронула какие-то струны в сердце «зеленого», Шаховская констатировала: «Он отказался от такой “добычи”» (1, 190).

В своих мемуарах Шаховская предстает человеком, имеющим внутренний стержень, а потому строящим свою жизнь по своим собственным понятиям – не «позаимствованным» у кого-то и не взятых «напрокат», не «ситуативных» и не возникающих по «логике обстоятельств», но выработанных ею самой и в высшей степени честных. Важнейшими из этих понятий были самостоятельность выбора и независимость от мнения других. Для поведения Шаховской всегда была характерна «произвольность», а для ее мышления – свобода. Покидая Россию на переполненном людьми корабле «Ганновер», она раз и навсегда решила для себя никогда не быть частью «отдавшего себя в чужую власть стада». Концептуальным является вывод, который делает она в этот момент: «... подчинение людской толпы общей судьбе произвело на меня такое сильное впечатление, что с тех пор, когда мне предстоял путь в неведомое, я без колебания шла по нему совсем одна или с избранными верными попутчиками!» (1, 203).

Итак, от лучших представителей своей знаменитой семьи, и в частности – от своих родителей, Шаховская унаследовала качества достойного человека, которые ярко проявились в ее жизни, изобиловавшей событиями нерядового значения, – как на родине, так и в эмиграции. Главными в мировоззрении Шаховской стали христианские идеи гуманности, уважения и любви к человеку; а для ее жизненной позиции оказались характерны активность, четкость и в хорошем смысле слова прямолинейность. Шаховская как будто бы всегда следовала девизу, начертанному на гербе фамилии, к которой она принадлежала: «Cum benedictione Dei nihil me retardat» («С благословением Божиим ничто мне не помешает») (1, 113).

Литература

1. Шаховская З. А. Таков мой век. М., 2006.
2. Шелохаев В. Шаховская Зинаида Алексеевна // Шелохаев В. Энциклопедия Русской эмиграции, 1997 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interpretive.ru/dictionary/458/word/shahovskaja-zinaida-aleksevna>